

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 758–794.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 3 (2026): 758–94.

Научная статья

УДК 94(470.5).081+324+329

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-3>

<https://elibrary.ru/ccyiaf>

Партийность гласных уездных земств и проблема ее корректной идентификации: кейс Пермской губернии 1909 года

Игорь Константинович Кирьянов

Пермский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук,
Пермь, Россия

ikiryanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2866-877X>

Igor' K. Kir'yanov

Perm Federal Research Center of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Perm, Russia

ikiryanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2866-877X>

Алина Ринатовна Ехлакова✉

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия

✉ alina.perm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4192-0474>

Alina R. Ekhlakova

Perm State University,
Perm, Russia

✉ alina.perm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4192-0474>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования партийной принадлежности гласных уездных земств Пермской губернии, избранных в 1909 г. Интерес к данным земским выборам обусловлен тем, что они проводились в условиях постреволюционной стабилизации и первого этапа реализации столыпинской аграрной реформы, а также нового порядка избрания уездных гласных от крестьян, что, как показало исследование, отразилось на поведении и предпочтениях земского электората. Политические итоги пермских выборов анализируются в сравнении с результатами в других губерниях, в том числе с «крестьянскими» земствами – Вологодской, Вятской и Олонецкой. Источниковую базу проведенного исследования составили документы официального делопроизводства Главного управления по делам местного хозяйства и Департамента полиции МВД Российской

© Кирьянов И.К., Ехлакова А.Р., 2026

© Kir'yanov I., Ekhlakova A., 2026

империи, канцелярии Пермского губернатора и Пермского губернского по земским и городским делам присутствия, отложившиеся в центральных и региональном архивах, а также газетные публикации «Пермской земской недели» – официального органа пермского губернского земства. В рамках проведенного исследования самостоятельный интерес представляла технология сбора сведений о партийной принадлежности уездных гласных и методика ее идентификации. Анализ показал, что официальная статистика отражала общую тенденцию поправления настроений в российской провинции, характерную для периода постреволюционной стабилизации, но без поворота к реакции и безоглядному подчинению местного самоуправления правительственной власти. Однако, по мнению авторов, информация о партийной принадлежности гласных уездных земств указанного периода, все чаще вводимая в научный оборот, может рассматриваться лишь в качестве индикативной, но не абсолютной, в силу ряда особенностей формирования источников, ее содержащих.

Ключевые слова: гласные уездных земств, земские выборы, земские электоральные циклы 1909/1910 и 1912/1913 гг., провинциальная многопартийность, идентификация партийности

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания (№ 124021400020-6, «Многоуровневая политика в современном мире: институциональное и социокультурное измерения»).

Для цитирования: Кирьянов И.К., Ехлакова А.Р. Партийность гласных уездных земств и проблема ее корректной идентификации: кейс Пермской губернии 1909 года // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 758–794, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-3>; EDN: CCYIAF

Party Affiliation of Uyezd Zemstvo Members and the Problem of Its Correct Identification: The Case of Perm Governorate, 1909

Abstract. The article represents the results of a study devoted to the party affiliation of the uyezd zemstvo members elected in 1909 in Perm Governorate. Interest in these zemstvo elections is explained by the fact that they were held in the context of post-revolutionary stabilization, the first stage of the Stolypin agrarian reform, and a new procedure for electing uyezd deputies from peasants, which, as the study showed, influenced the activity and preferences of the zemstvo electorate. The political results of the elections in Perm are analyzed in comparison with the results in other governorates, including the governorates with “peasant” zemstvos, such as Vologda, Vyatka and Olonets governorates. The source base for this research included official records from the Main Directorate for Local Economy and the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, the office of the Perm Governor, and the Perm Governorate Office for Zemstvo and City Affairs, stored in central and regional archives. The articles from the *Permskaya Zemskaya Nedelya*, the official organ of the Perm governorate zemstvo, were also used. The procedure of collecting information on the party affiliation of uyezd zemstvo members and the method of its identification were of particular interest for this research. The study showed that the official statistics reflected a general trend of public sentiment to incline to the right in the Russian province, which was typical of the period of post-revolutionary stabilization but involved no reaction or unconditional subordination of local self-government to the government authority. However, the authors of the article emphasize that the information on the party affiliation of the uyezd zemstvo members for the given period is introduced into scholarly discourse more and more often but may be considered as indicative rather than absolute because of a number of specific features in the formation of the sources containing that information.

Keywords: uyezd zemstvo members, zemstvo elections, zemstvo electoral cycles of 1909/1910 and 1912/1913, provincial multi-party system, identification of party affiliation

Acknowledgements: The study was performed carried out within the framework of the state assignment (topic no. 124021400020-6 “Multi-Level Politics in the Modern World: Institutional and Socio-Cultural Aspects”).

For citation: Kiryanov, I.K., and A.R. Ekhlakova. “Party Affiliation of Uyezd Zemstvo Members and the Problem of Its Correct Identification: The Case of Perm Governorate, 1909.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 3 (2026): 758–94, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-3>; EDN: CCYIAF

Введение

Длительное время в историографии земского самоуправления в Российской империи рассмотрение сюжета о политических ориентациях гласных в основном исчерпывалось вниманием к феномену земского либерализма, причем данный тезис справедлив в отношении исследований как дореволюционных авторов¹, так и советских историков². При этом, едва ли не первая попытка периодизации политической истории земства во второй половине XIX – начале XX вв. принадлежала американской исследовательнице Р. Мэннинг, определившей, в частности, период с лета 1907 по 1917 г. как время делового сотрудничества поправевших земских учреждений с правительственной властью³.

В постсоветской историографии тема политизации деятельности институтов местного самоуправления в системе дуалистической монархии⁴, включая

¹ См., например: Белоконский И.П. Земское движение. Москва: Задруга, 1914; Веселовский Б.Б. Земские либералы. Санкт-Петербург: Издательство О.Н. Поповой, 1906; Шаховской Д. Политические течения в русском земстве // Юбилейный земский сборник: 1864–1914 / под редакцией Б.Б. Веселовского, З.Г. Френкеля. Санкт-Петербург: Издание товарищества О.Н. Поповой, 1914. С. 437–467. Исключение в этом ряду в силу более широкого подхода составляет фундаментальный труд Б.Б. Веселовского по истории земства в России, в частности, его заключительный том, см.: Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Санкт-Петербург: Издательство О.Н. Поповой, 1911. Т. 4.

² См., например: Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. Москва: Наука, 1977; Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика. Москва: Наука, 1985.

³ См.: Manning R.T. The Zemstvo and Politics, 1864–1914 // The Zemstvo in Russia. An Experiment in Local Self-government / edited by T. Emmons, W.S. Vucinich. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982. P. 133–176.

⁴ См., например: Карпачев М.Д. Земство в политической системе российского самодержавия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 4. С. 14–23. EDN: CXBSRB; Королева Н.Г. Земство и Всероссийские политические партии 1907–1914 гг. Санкт-Петербург: Петроглиф, 2025. EDN: YRTXGN; Мацузато К., Абрамов В.Ф., Ярцев А.А. Земский феномен: политологический подход. Саппоро: Slavic Research Center; Hokkaido University, 2001. Также см.: Porter T.,

участие земских деятелей в функционировании Государственной Думы⁵, привлекает устойчивый междисциплинарный академический интерес. Это нашло выражение и в развитии исследований на региональном уровне, в которых анализируются земские выборы 1909/1910 гг. и партийная принадлежность избранных уездных гласных⁶.

Развитию исследований в данном направлении способствовало освоение такого пласта источников как материалы Главного управления местного хозяйства при Министерстве внутренних дел, к системному изучению которых первым проторил дорожку в позднесоветский период В.С. Дякин, охарактеризовавший структуру земских избирателей и гласных на основе сведений, собранных чиновниками в 1909 и 1913 гг. в ходе подготовки к пересмотру Положения о земских учреждениях⁷.

Отдельную категорию данных, аккумулирующихся в Главном управлении местного хозяйства, составляет информация о партийной принадлежности губернских и уездных гласных. Следует подчеркнуть, что мониторинг провинциальной многопартийности со стороны официальных структур в межреволюционный период проводился достаточно регулярно. Так, в мае

Gleason W. The Zemstvo and the Transformation of Russian Society // Emergent Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I / edited by M.S. Conroy. Niwot, CO: University Press of Colorado, 1998. P. 60–88.

⁵ См., например: *Соловьев К.А. Земские деятели в Государственной думе (1907–1914) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 4. С. 67–81. EDN: TJAACST; Сенина А.В., Тургенев Е.Г. Земские учреждения как социальные лифты: вертикальная мобильность из земств в высшие представительные органы законодательной власти в поздней Российской империи // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4 (63). С. 161–177. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-4-161-177>; EDN: AZCQIS; Егоров А.Н. Избирательные кампании в I и II Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: власть, общество, избиратели // *Historia provinciae – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 3. С. 699–752. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-3-3>, EDN: HFAFAQ**

⁶ См., например: *Кондрашин Д.В. Политическая борьба гласных в Елабужском уездном земстве Вятской губернии в период 1905–1910 гг. // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 1 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-borba-glasnyh-v-elabuzhskom-uezdnom-zemstve-vyatskoy-gubernii-v-period-1905-1910-gg> (дата обращения: 07.03.2026); Баданов В.Г. Олонское земство в политической жизни Российской империи (1867–1913) // *Studia Humanitatis. Международный электронный научный журнал. 2025. № 1. URL: <https://st-hum.ru/content/badanov-vg-oloneckoe-zemstvo-v-politicheskoy-zhizni-rossiyskoj-imperii-1867-1913> (дата обращения: 07.03.2026); Кобзева Т.А. Земская избирательная система и выборы в местные органы самоуправления в 1907–1916 гг. (на материалах Симбирской губернии) // *Власть. 2011. № 1. С. 113–117. EDN: NCNAXD***

⁷ См.: *Дякин В.С. Земство в третьей империи (структура избирателей и гласных) // Исторические записки. 1987. Т. 115. С. 127–141. EDN: YUOLOU*

1908 г. вице-директор Департамента полиции в подготовленной справке о деятельности местных отделов легальных политических партий отметил следующее:

Принадлежность отдельных граждан к той или иной политической партии лучше всего, казалось бы, характеризует преобладающее настроение населения Империи и служит показателем отношения его к текущим мероприятиям правительства. В целях выяснения этого настроения населения и имея в виду почти двухлетний с 17 октября 1905 года срок формирования русских политических партий Департамент полиции в сентябре 1907 года затребовал циркулярно от Губернаторов и Градоначальников сведения о том, какие именно легальные политические партии действуют во вверенных им губерниях <...> и замечается ли их рост в сравнении с другими более левыми партиями, или наоборот, постепенный упадок⁸.

12 августа 1909 г. Отдел земского хозяйства Главного управления по делам местного хозяйства МВД направил в адрес губернаторов «поуездный бланк» для сбора сведений о новых составах уездных земских собраний, включавший следующие пункты отчетности: тип избирательного собрания (первое, второе, от сельских обществ), число гласных по расписанию, количество избранных гласных, в том числе гласных прежнего состава; принадлежность гласных к политическим партиям: правым, умеренным, левым. При этом в примечании к бланку содержалась расшифровка, касавшаяся последней позиции, в соответствии с которой к «правым» относились монархические партии; к «умеренным» – Союз 17 октября, партии правового порядка и мирного обновления, а также беспартийные; к «левым» – кадеты и революционные партии⁹. Аналогичный подход был применен к оценке партийного состава земских гласных в тех губерниях, где выборы проводились в 1910 г., а затем и в отношении очередного электорального цикла 1912–1913 гг.¹⁰ Впервые же сведения о принадлежности к политическим партиям «руководящего большинства гласных в земских собраниях» Главное управление по делам местного хозяйства собирало через губернаторов в мае 1907 г., правда, тогда

⁸ О легальных политических партиях // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 116. Д. 164. Л. 266.

⁹ О доставлении в МВД сведений о политической партийности земских гласных избранных на трехлетие с 1909 г. // Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 43. Оп. 1. Д. 220. Л. 1, 4.

¹⁰ Свод сведений о составе уездных гласных по губерниям // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1288. Оп. 2. Д. 46. Л. 4–19, 42–64.

использовались еще две пограничные идентификации – «умеренные, примыкающие к правым» и «умеренные, примыкающие к левым»¹¹.

Таким образом, в распоряжении министерских чиновников той поры, впрочем, как и современных исследователей, оказался весьма информативный материал по динамике расклада политических сил в уездных собраниях земской России, позволяющий оценивать влияние партийного начала на деятельность органов местного самоуправления в новом политическом пространстве Российской империи – политической системе дуалистической монархии. Между тем, адекватность полученных сведений о «политической партийности земских гласных», как и точность измерения в любом мониторинге, зависела, как минимум, от объективности используемых показателей, методов сбора информации и компетентности сотрудников, занимавшихся сбором первичных данных. Поэтому вполне правомерен вопрос: кто и как собирал и обрабатывал эти первичные данные о партийном составе земских гласных?

Наше внимание к земскому электоральному циклу 1909/1910 гг.¹² обращено в силу следующих обстоятельств. Во-первых, земские выборы проводились в условиях постреволюционной стабилизации и первого этапа реализации столыпинской аграрной реформы, а также нового порядка избрания уездных гласных от крестьян, введенного указом от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий», в соответствии с которым отменялось «правило об утверждении губернатором земских гласных от сельских обществ из числа кандидатов, избранных волостными сходами», а сельским обывателям, «обладающим установленным цензом, помимо надельной земли», предоставлялось право «участвовать во вторых земских избирательных съездах и собраниях независимо от участия их в выборах гласных от сельских обществ уезда»¹³. Во-вторых, именно по отношению к этим выборам в фондах

¹¹ Сведения о принадлежности к политическим партиям руководящего большинства гласных в земских собраниях // РГИА. Ф. 1288. Оп. 2. Д. 2. Л. 52^а–52^б.

¹² В 1909 г. земские выборы на очередное трехлетие были проведены в 14 губерниях (Бессарабской, Владимирской, Вологодской, Вятской, Екатеринославской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Пермской, Саратовской, Таврической, Тверской, Уфимской), в 1910 г. – в 20 губерниях (Воронежской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Нижегородской, Пензенской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, С-Петербургской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Ярославской).

¹³ № 28392. – Октября 5. Именной Высочайший указ, данный Сенату. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI.

Государственного архива Пермского края отложились исходные материалы проведенного сбора сведений о партийной принадлежности уездных гласных.

Организация и ход мониторинга партийной принадлежности земских гласных

Итак, получив циркуляр из столицы, канцелярия пермского губернатора 31 августа направила соответствующее предписание 12-ти уездным исправникам. Последним, приславшим требуемые данные в Пермь 14 октября, был осинский исправник. После проверки и редактирования в канцелярии губернатора итоговая таблица «Состав гласных уездных собраний 1909–1912 гг.» за подписью губернатора А.В. Болотова была отправлена в Петербург 9 ноября 1909 г.¹⁴

Источниками информации для уездных исправников были донесения станowych приставов (базовый материал), запросы к городским полицмейстерам и коллегам из других уездов («тамошний исправник»), а также уже «имеющиеся сведения» и «слухи», курсировавшие среди местного населения. Канцелярия губернатора имела и дополнительный источник – сведения, поступающие от председателей уездных съездов земских начальников.

Идентификация политико-партийной ориентации избранных гласных в рапортах уездных исправников отличается широким разнообразием и своеобразным сочетанием собственно партийности, как формальной («партия союз Русского народа», «партия союза 17 октября», «октябрист левого толка», «октябрист правого толка», «торгово-промышленная партия», «конституционно-демократическая партия», «партия социал-демократов»), так и неформальной («правая партия», «партия монархистов», «партия умеренных», «партия прогрессистов», «партия умеренных прогрессистов», «прогрессивная партия», «левая партия»), и политико-идеологических направлений («крайне правый», «правый», «монархист», «прогрессист», «левый»). Витиеватыми идентификациями отличился верхотурский исправник в своем рапорте от 17 сентября: ««По убеждениям принадлежит к прогрессивной партии, но указать какой затруднительно, подозревается кадетствующим»; «Прогрессист, кадетствующий умеренно», «Умеренный прогрессист, сочувствующий партии 17 Октября»¹⁵.

В свою очередь оханский исправник оперировал следующими предположениями по поводу партийной принадлежности гласных: «может быть

1906 г. Отделение 1. От № 27173 до 28753 и дополнения. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1909. С. 891–893.

¹⁴ О доставлении в МВД сведений о политической партийности земских гласных избранных на трехлетие с 1909 г. // ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 220. Л. 2–38 об.

¹⁵ Там же. Л. 10 об.

причислен к партии социал-демократов», «может быть причислен к партии союза 17 октября», «может быть причислен к партии правых»¹⁶.

В ряде случаев информация полицейских чинов явно не соответствовала действительному положению дел. Так, чердынский исправник охарактеризовал политические убеждения старейшего местного земского деятеля, многолетнего председателя уездной управы Н.С. Селиванова как «правые»¹⁷, тогда как тот в 1906 г. участвовал в первых думских выборах в качестве члена Конституционно-либеральной партии г. Перми, а будучи депутатом, входил в группу демократических реформ, а также вступил в партию мирного обновления, приняв деятельное участие в ее организации¹⁸. Справедливости ради, следует отметить, что чердынский исправник в очередном своем рапорте, информируя губернатора о формировании на чрезвычайном уездном земском собрании 9 октября состава управы, а также об избрании в очередной раз Селиванова председателем, скорректировал собственную идентификацию последнего: «Избранные лица по убеждениям своим в политическом отношении вполне благонадежны»¹⁹.

Красноуфимский исправник в рапорте от 24 сентября указал на принадлежность к социал-демократии братьев Шевелиных – золотопромышленника Константина Артемьевича и основателя и владельца Натальинского стекольного завода Ивана Артемьевича, 12 лет возглавлявшего уездную земскую управу. Между тем, в историко-краеведческой литературе, так или иначе затрагивающей судьбы Шевелиных, нигде не упоминается о социал-демократическом следе в их биографии²⁰, за исключением того, что одна из квартир доходного дома К.А. Шевелина, расположенного в центре Красноуфимска, в 1905–1907 гг. использовалась местными большевиками в качестве явочной квартиры, о чем свидетельствует установленная в советское

¹⁶ О доставлении в МВД сведений о политической партийности земских гласных избранных на трехлетие с 1909 г. // ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 220. Л. 26–26об.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ См.: Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 553.

¹⁹ Дело о назначении председателя и членов Чердынской уездной управы на трехлетие с 1909 года // ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 206. Л. 1.

²⁰ См., например: *Жужин Н.С., Дворников И.П.* Сарана. Красноуфимск: [Б. и.], 2009; *Ладыгина Т.А., Волкова Н.И.* Перешагнувшие через время (памятные объекты г. Красноуфимска земского периода) // Формирование и сохранение земских традиций здравоохранения и образования на Урале: материалы V Мизеровских историко-краеведческих чтений (Красноуфимск, 17 февраля 2015 г.) / ответственный за выпуск Е.В. Сабурова. Екатеринбург: Лифт, 2015. С. 110–119.

время на фасаде здания мемориальная доска²¹. Впрочем, канцелярия губернатора все же посчитала братьев «левыми».

Губернские чиновники в большинстве случаев ориентировались на сведения, полученные от исправников, даже тогда, когда у них самих появлялись сомнения. Так, в рапорте шадринского исправника от 18 сентября указание на то, что избранный гласным мещанин А.О. Машуков принадлежит к «социал-демократической» партии, было подчеркнуто, а на полях был поставлен знак вопроса, что явно указывало на некоторые сомнения, но не помешало в итоге отнести его к «левым»²². Интересно, что дальнейшая судьба Машукова говорит скорее об ошибочности подобной идентификации: в колчаковский период он занимал должность городского головы, ушел вместе с белыми в Петропавловск, впоследствии был арестован и расстрелян в Омске в 1920 г.²³

Скандалную ситуацию спровоцировал рапорт екатеринбургского исправника, в ответ на который правитель канцелярии губернатора З.М. Благоданов 29 сентября отписал полицейскому, указав на допущенную ошибку:

На рапорт от 20 сего сентября за № 746 ~~считаю должным указать~~ (зачеркнуто в тексте. – И. К., А. Е.), даю знать Вашему Высокоблагородию, что партийность земских гласных по Екатеринбургскому уезду, избранных на трехлетие с 1909 года, Вам мало известна,

В новом рапорте от 25 октября исправник, кропотливо отработав, сообщал, что скорректированная «оценка партийности гласных, проживающих в городе, сделана по сведениям екатеринбургского полицмейстера, по соглашению с последним»²⁴.

Причины появления некорректной информации разнообразны. Прежде всего они были связаны с состоянием самой провинциальной многопартийности, переживавшей в постреволюционное время деградацию организационных структур и «прогрессировавший упадок политической деятельности»²⁵. В этой

²¹ Барабанов А.А., Бессонова О.А., Войтенко А.А. Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 2. Свердловская область. Екатеринбург: Сократ, 2008. С. 445.

²² О доставлении в МВД сведений о политической партийности земских гласных избранных на трехлетие с 1909 г. // ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 220. Л. 12.

²³ Купец-промышленник Машуков // Шадринская газета «Ваша Выгода». ok.ru. URL: <https://m.ok.ru/group/52854471065781/topic/160747847146421> (дата обращения: 07.03.2026).

²⁴ О доставлении в МВД сведений о политической партийности земских гласных избранных на трехлетие с 1909 г. // ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 220. Л. 15–16; 31–31об.

²⁵ См.: Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск: Челябинский государственный университет, 1995. Ч. 1. С. 86–87, 90.

ситуации возможно ли было ожидать, что многие из гласных, особенно из крестьянской среды, способны на четкое определение своей политической позиции? Да и чинам общей полиции, профилем которых были административные правонарушения и уголовные преступления, было затруднительно разобраться во всех тонкостях партийной идентификации. Впрочем, что говорить об общей полиции, когда еще совсем недавно чины политической полиции весьма часто оказывались в подобном же положении. В этой связи актуальным представляется замечание современного историка А.Н. Егорова по поводу особенностей работы с таким источником как жандармские донесения:

Используя эти документы, необходимо учитывать, что низкий уровень политической дифференциации населения, отсутствие в прошлом оживленной политической жизни в провинции не способствовали обогащению политического опыта местных жандармов. Не сумев разобраться в бурных событиях революции, когда даже в мелких уездных городках возникали организации неведомых ранее партий, служащие жандармских управлений допускали немало ошибок, путая представителей разных партий. <...> Поэтому все сведения, полученные из документов ГЖУ, нуждаются в дополнительной проверке по другим источникам. Справедливости ради отметим, что ошибки встречаются, в основном, в документах до середины 1906 г. Впоследствии жандармы разобрались, кто к какой партии принадлежит, и ошибок стало меньше²⁶.

Усугублял положение и в общем-то низкий образовательный уровень полицейских чиновников, в том числе уездных исправников и становых приставов, не говоря уже о нижних полицейских чинах – урядниках и стражниках. Просопографическое исследование С.М. Рязановым полицейского корпуса Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв. показало, что лучшим, но далеко не распространенным показателем для исправников и приставов являлось неоконченное среднее образование²⁷.

²⁶ Егоров А.Н. Документы губернских жандармских управлений как источник формирования образа провинциального либерала (по материалам Вологодской и Новгородской губерний) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 3 (49), т. 1. С. 35. EDN: RULYOX

²⁷ См.: Рязанов С.М. Полиция Пермской губернии в годы Первой мировой войны. Пермь: Российское военно-историческое общество, 2017. С. 169; Рязанов С.М. Нижние чины уездной полиции в российской провинции (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 59. <https://doi.org/10.17223/19988613/91/6>; EDN: SZTDXA. Аналогичным был уровень образования и для уездных исправников, служивших в Сибири, см.: Ермолаев А.Н. Уездный исправник Сибири

Не во всех случаях рапорты подавали штатные исправники – дважды это делали лица, исполнявшие должность исправника, и однажды – временно исполнявший должность. Вполне вероятно, что эти служащие не в полной мере владели необходимой информацией. Показательно, что и в начале 1909 г. при сборе сведений согласно циркуляру Департамента полиции от 10 февраля по поводу образования в Петербурге «особого Комитета из представителей всех революционных и оппозиционных партий, имеющий (так в тексте. – И. К., А. Е.) целью вызвать к жизни по примеру 1904 и 1905 гг. протесты всех слоев населения для объединения всех недовольных существующим порядком», в четырех случаях рапорты были подписаны лицами, исполнявшими должности уездных исправников, что в немалой степени затянуло процесс – финальный документ от губернатора ушел в Петербург только 23 июня²⁸.

Также сложно ожидать исчерпывающей полноты и достоверности от информации, базировавшейся на слухах и непроверенных данных. Так, председатель красноуфимского уездного съезда в июльском представлении губернатору о состоявшихся выборах гласных от сельских обществ определил одного из них – конторщика Михайловского завода Н.Д. Тезякова – как кадета, но в октябрьском представлении по поводу его избрания членом управы чиновник отметил:

в настоящее время, ознакомившись с Тезяковым лично и собрав о нем более подробные сведения, я должен взять свои слова обратно. По этим последним сведениям, Тезяков – вполне благонадежный человек и никакими крайними политическими взглядами не заражен. Правда, в дни свобод он участвовал в Михайловской трудовой артели, но вскоре был исключен оттуда, как человек совершенно не подходящий по взглядам и явившийся туда только в качестве умиротворяющего начала. В отношении работоспособности Тезякова также сомнения быть не может: в достаточной степени развитой, вполне серьезный и безусловно прекрасно знакомый с условиями местной жизни. Тезяков будет лучшим земским работником²⁹.

в 1867–1917 гг.: коллективный портрет на примере Кузнецкого и Мариинского уездов // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 44. <https://doi.org/10.17223/19988613/93/5>; EDN: GSUFZH

²⁸ Циркуляр пермского губернатора о представлении сведений о существующих в уездах революционных и оппозиционных партиях и их деятельности, рапорты уездных исправников // ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1403. Л. 1–21.

²⁹ Дело о назначении председателя и членов Красноуфимской уездной земской управы на трехлетие с 1909 года // ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 234. Л. 6.

Тезяков был утвержден членом управы, но в партийной статистике земских гласных, направленной в Петербург, он остался единственным «левым», избранным в Красноуфимском уезде от сельских обществ.

Или другой, еще более показательный, пример. Чрезвычайным верхотурским уездным собранием 11 октября членом управы был избран работавший на Нижне-Синячихинском заводе крестьянин И.Ф. Ячменев, по поводу которого уездный исправник отмечал, что тот «подозревается в принадлежности к левой демократической партии, в обществе и среди рабочих пользуется доверием», но все же полагал, что он «на должности члена земской управы примкнет более к правым партиям и будет соответствовать своему назначению». Правда, оказалось, что в 1907 г. Ячменев за участие в «незаконном сельском сходе» был арестован, а после отбытия тюремного заключения «административно выслан» в Екатеринбургский уезд. В ходе разбирательства выяснилось, что становой пристав направил исправнику донесение о том, что Ячменев «политически благонадежен, несудим и проч.», не упомянув об его аресте и высылке. В результате гласный от крестьян не был утвержден членом управы, хотя в деле имеется документ, подписанный Ячменевым в качестве члена управы еще в сентябре 1909 г., т.е. до выборов нового состава уездной земской управы³⁰.

В итоговой таблице, составленной в губернском правлении, «партийный» расклад нового состава уездных гласных был представлен следующим образом: «правые» – 72; «умеренные» – 111; «левые» – 28, в том числе от собрания мелких и крупных землевладельцев, соответственно – 41, 65, 19; от сельских обществ, соответственно – 31, 46, 9³¹.

Итоги выборов в земских губерниях Российской империи, 1909/1910 и 1912/1913 гг.

В целом, в избирательном цикле 1909/1910 гг. «правые» получили абсолютное большинство в корпусе уездных гласных в 18 губерниях, относительное большинство – еще в 2 губерниях, тогда как «умеренные» (по министерской идентификации) – соответственно, в 7 и 7. В следующем избирательном цикле 1912/1913 гг. общая картина не претерпела принципиальных изменений: «правые» преобладали в составе уездных гласных в 18 губерниях, а заручились относительным большинством в 3 губерниях; «умеренные» – соответственно, в 8 и 4. Доминирование «правых» усилилось в 7 губерниях, где они и до того верховодили (Бессарабская, Курская,

³⁰ Дело о назначении председателя и членов Верхотурской уездной земской управы на трехлетие с 1909 года // ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 207. Л. 8 об., 20, 21.

³¹ О доставлении в МВД сведений о политической партийности земских гласных избранных на трехлетие с 1909 г. // ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 220. Л. 38 об.

Нижегородская, Орловская, Полтавская, Псковская, Рязанская губернии), возросло их влияние в Вятской, Смоленской, Ярославской губерниях, при этом они ослабили свои позиции в Вологодской и Олонецкой губерниях, а в Казанской губернии уступили абсолютное большинство в пользу относительного большинства «умеренных». Особенным результатом выборов 1912 г. стало обретение «левыми» относительного большинства в уфимском корпусе уездных гласных (с 35 человек в прежнем составе до 64), при этом «левые» увеличили свою численность еще в 21 губернии, но сократили – в 12, особенно значительно в Вятской – с 68 до 41 человека. Те или иные тренды в партийных раскладах во многом зависели от стабильности состава земских гласных. Так, в Бессарабской губернии уровень переизбираемости составлял 59,1 и 57,7 % (самые высокие показатели в обоих случаях), а в Вятской губернии – 21,9 и 30,1 % (самые низкие показатели в обоих случаях)³². Вместе с тем, аналитики из Главного управления по делам местного хозяйства фиксировали утрату той остроты в борьбе партий на земских выборах, которая была характерна для избирательного цикла 1906/1907 гг., и констатировали, что

по-видимому, земство ныне возвращается к тому времени, когда на выборах соревновались между собою отдельные группы избирателей, объединенных видными местными деятелями на почве земских интересов³³.

Весьма значимыми, учитывая эволюцию электорального поведения крестьянского населения, представляются итоги выборов в губерниях с «крестьянскими» земствами – Вологодской (48,7 % гласных избирались только от крестьянской курии, не считая крестьянских гласных, которые могли быть избраны от 2-го избирательного собрания – курии мелких землевладельцев), Вятской (54,9 %), Олонецкой (68,6 %) и Пермской (40,7 %).

Корреспонденты «Пермской земской недели» отмечали возросшую активность сельских избирателей и в Вятской губернии («отовсюду идут вести, что интерес к земским выборам со стороны крестьян сильно повышен, чего не наблюдалось раньше»³⁴), и в Пермской («нельзя не заметить прежде всего глубокого поворота крестьян в отношениях к земству»³⁵), связывая это главным образом с изменением порядка избрания уездных гласных от сельских обществ.

³² Расчет произведен на основании: Свод сведений о составе уездных гласных по губерниям // РГИА. Ф. 1288. Оп. 2. Д. 46. Л. 4–19, 42–64.

³³ Свод сведений о ходе выборов земских гласных на трехлетие с 1912 г. по 13 губерниям // РГИА. Ф. 1288. Оп. 2. Д. 46. Л. 23.

³⁴ О земстве // Пермская земская неделя. 1909. № 16 (16 апреля). С. 19.

³⁵ По поводу земских выборов // Пермская земская неделя. 1909. № 27 (2 июля). С. 2.

Крестьянские выборщики критически отнеслись к деятельности гласных из своей среды, избранных в 1906 г. на основе старого положения, когда гласных от сельских обществ из числа кандидатов утверждал губернатор. Так, вятский наблюдатель отмечал, что

волостные сходы, за самыми ничтожными исключениями, выражают резко отрицательное отношение к прежнему составу гласных, а особенно к той разрушительной работе, которой так прославились за эти три года вятские новоземцы, пойдя вразрез с самыми лучшими традициями одного из самых передовых русских земств, вятского, уничтожая 5-ти рублевые сельские библиотеки, внешкольное образование, текущую статистику, книжный склад и т.д. Поэтому на волостных сходах прежние гласные и даже члены управ или явно черносотенного направления, или же малосознательные беспощадно «прокатываются на вороных», выбор же падает на ярких прогрессистов. Теперь уже забаллотирован ряд «столпов» черносотенства, обыкновенно приятелей и друзей председателей управ, ставленников кн. Горчакова³⁶.

В результате такого отношения из прежнего состава было переизбрано только 5,3 % гласных. В трех других губерниях этот показатель выше: в Вологодской – 9,7 %, Олонецкой – 19,4 %, Пермской – 22,1 %. На следующих выборах 1912 г. корпус гласных от сельских обществ оказался более устойчивым – доля переизбранных земцев составила, соответственно 20,0 (в Вятской губернии); 19,7; 33,3 и более 40 % (в источнике отсутствуют точные данные по Пермской губернии)³⁷.

Свое влияние на электоральный выбор крестьян оказала и аграрная реформа, в рамках реализации которой четыре выделенных губернии являлись отстающими в процессе закрепления надельной земли в собственность. В большинстве случаев при выборе гласных от сельских обществ выборщики отдавали предпочтение тем, кто сохранил связь с общинным землепользованием. Например, по данным «Пермской земской недели», в Оханском уезде из 8 гласных, избранных крестьянами, шестеро занимались земледелием на надельной, один – на общинной и подворной, а еще один – на собственной и частью на арендуемой земле; в Шадринском уезде семеро избранных хозяйствовали на общинной земле и только один – на отрубной³⁸.

³⁶ О земстве // Пермская земская неделя. 1909. № 16 (16 апреля). С. 19.

³⁷ Свод сведений о составе уездных гласных по губерниям // РГИА. Ф. 1288. Оп. 2. Д. 46. Л. 4–19, 42–64.

³⁸ Выборы земских гласных по Пермской губ. // Пермская земская неделя. 1909. № 36 (3 сентября). С. 17.

В аналитической справке Главного управления по делам местного хозяйства обращалось внимание на такую черту электорального поведения крестьян в 1912 г., приводившую к «недобору» гласных от сельских обществ, как

взаимное забаллотирование выборщиков от крестьян, в виду желания каждого из них лично пройти в гласные и занять какую-либо платную должность по земству³⁹.

В четырех рассматриваемых случаях ситуация выглядела следующим образом: в Вологодской губернии вакантными остались 9 мест из 94 или 9,6 % (в 1909 г. не добрали 1 гласного), Вятской – 2 из 110 или 1,8 % (в 1909 г. были избраны все гласные), Олонецкой – 3 из 72 или 4,2 % (в 1909 г. недобор составил 5 гласных), Пермской – 7 из 88 или 8,0 % (в 1909 г. – 2). Самый высокий показатель в 1912 г. был зафиксирован в Новгородской губернии – 14 %, а в 1913 г. – в Костромской (25,8 %), Псковской (15,1 %) и Калужской (13,7 %).

Сравнивая губернии с «крестьянскими» земствами по партийной принадлежности гласных от сельских обществ, избранных в 1909 г., следует отметить доминирование «правых» в Вологодской и Олонецкой губерниях (соответственно, 62,4 % и 58,2 %), «умеренных» – в Пермской (53,5 %) и относительное преобладание «умеренных» (44,6 %) при значимой доле «левых» (31,3 %) – в Вятской. В 1912 г. официальная статистика зафиксировала в качестве «умеренных» 81,2 % гласных, избранных от крестьянской курии в Олонецкой губернии, в Пермской – этот показатель составил 51,9 %, а в Вологодской и Вятской – местные власти отчитались о примерном паритете между «правыми» и «умеренными».

У нас имеется возможность сравнить официальную статистику 1909 г. по группе гласных от сельских обществ с данными, опубликованными в газете «Пермские губернские ведомости» и перепечатанными в органе губернского земства «Пермская земская неделя»⁴⁰. Этот вариант политической дифференциации гласных отличается большей дробностью, совмещением категорий лево-правого спектра с собственно партийной принадлежностью и включает 15 позиций: правый (21 чел.), монархист (3), умеренный правый (1), беспартийный правый (11), умеренный (3), беспартийный умеренный (2), умеренный либерал (2), октябрист (1), умеренный прогрессист (2), кадет (2), левый прогрессист (1), левый (8), социал-демократ (1), трудовик (1),

³⁹ Свод сведений о ходе выборов земских гласных на трехлетие с 1912 г. по 13 губерниям // РГИА. Ф. 1288. Оп. 2. Д. 46. Л. 40.

⁴⁰ Выборы земских гласных по Пермской губ. // Пермская земская неделя. 1909. № 36 (3 сентября). С. 17. Ссылка на перепечатанный материал связана с плохой сохранностью оригинального издания именно за этот год.

беспартийный (29). Учитывая административную связь «Пермских губернских ведомостей» с губернским правлением⁴¹, можно предположить, что опубликованные данные представляли собой информацию по «горячим следам» о состоявшихся выборах, полученную чиновниками в губернском центре еще до того, как уездные исправники приступили к исполнению циркулярного предписания губернатора от 31 августа, которым до них была доведена новая методика идентификации партийности.

Если применить «официальную» методику партийной идентификации к данным из «Пермских губернских ведомостей», то получим следующие результаты: «правые» – 25; «умеренные» – 50; «левые» – 13. Как видим, они не имеют принципиальных отличий от сведений, отосланных в Петербург, но свидетельствуют об определенной корректировке, проведенной либо вследствие получения уточненных данных, либо по причине банальной лояльности по отношению к начальству.

В свою очередь корреспонденты «Пермской земской недели», комментируя ход выборов в уральских губерниях, сообщали о том, что в гласные проходили в большинстве случаев «прогрессисты», «люди прогрессивные», понимая под ними лиц, «более или менее понимающих нужды и интересы крестьянства»⁴², шире – «людей, преданных земскому делу»⁴³, ориентированных на обновление земства, прежде столь зависимого от губернской администрации. Подобная идентификация никоим образом не была увязана с партийной принадлежностью, о чем свидетельствует, например, вывод корреспондента об итогах выборов в одном из уездов: «Таким образом теперь определился весь состав будущих собраний Осинского земства и может быть назван прогрессивным (так в тексте. – И. К., А. Е.)»⁴⁴, при этом, согласно официальной статистике, расклад был следующим: «правые» – 10, «умеренные» – 5, «левые» – 0.

⁴¹ См.: Волгирева Г.П., Корниенко С.И., Пигалева С.В. Источниковедческий анализ газеты «Пермские губернские ведомости» (XIX – начало XX в.) как основа для проектирования и создания информационной системы // Вестник Пермского университета. История. 2007. № 3 (8). С. 79–88. EDN: HZTXEB

⁴² См.: О земстве // Пермская земская неделя. 1909. № 15 (9 апреля). С. 23; № 19 (7 мая). С. 28; По поводу земских выборов // Пермская земская неделя. 1909. № 27 (2 июля). С. 3.

⁴³ Выборы земских гласных по Пермской губ. // Пермская земская неделя. 1909. № 28 (9 июля). С. 24.

⁴⁴ Выборы земских гласных по Пермской губ. // Пермская земская неделя. 1909. № 29 (16 июля). С. 28.

Заключение

Направленные губернской администрацией в столицу сведения о партийной принадлежности корпуса уездных гласных Пермской губернии, сформированного в результате земских выборов 1909 г., отражали общую тенденцию поправления настроений в российской провинции, характерную для периода постреволюционной стабилизации, но без поворота к реакции и безоглядному подчинению местного самоуправления правительственной власти. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты другого нашего исследования, посвященного участию органов местного самоуправления в череде юбилейных исторических кампаний начала XX в., открывших для земских учреждений возможность в качестве мнемонических акторов конкурировать на поле символической политики с агентами местной администрации⁴⁵.

Вместе с тем, особенности партийной идентификации, принятые в структурах государственной власти Российской империи, обязательность для местной администрации реагировать на запросы из центра в соответствии с предлагаемыми критериями и ее же стремление не оказаться в числе попустительствующих оппозиционным силам или ошибающихся в их пользу, с одной стороны, и неукорененность провинциальной многопартийности, вдобавок ослабленной правительственными репрессиями в постреволюционный период, с другой стороны, позволяют использовать информацию о партийной принадлежности гласных уездных земских собраний, все чаще вводимую в научный оборот из таких исторических источников как «Свод сведений о составе уездных гласных по губерниям» от Главного управления по делам местного хозяйства МВД и первичных материалов, собранных губернскими администрациями, в качестве индикативной, но не абсолютной.

⁴⁵ Ехлакова А.Р., Кирьянов И.К. Имперская юбилеямания начала XX века и органы местного самоуправления: кейс Пермской губернии // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 4 (71). С. 116. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-4-109-120>; EDN: DHKNZR

Introduction

For a long time, in the historiography of zemstvo self-government in the Russian Empire, the study of the political orientations of zemstvo members was largely limited to the phenomenon of zemstvo liberalism, and this statement is true regarding the studies of both pre-revolutionary authors¹ and Soviet historians.² At the same time, American researcher R. Manning might be the first who attempted to periodize the political history of the zemstvo in the second half of the 19th – early 20th centuries. In particular, she defined the period from the summer of 1907 to 1917 as a time of business cooperation between the zemstvo institutions (who joined the right-wing community) and the government authorities.³

In post-Soviet historiography, there has been a constant interdisciplinary academic interest in the politicization of the activities of local self-government institutions in the system of dualistic monarchy,⁴ including the participation of zemstvo members in the work of the State Duma.⁵ It resulted in the increased number of studies at the

¹ See, e.g., I.P. Belokonskii, *The Zemstvo Movement* [in Russian] (Moscow: Zadruga, 1914); B.B. Veselovskii, *Zemstvo Liberals* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo O.N. Popovoi, 1906); D. Shakhovskoi, "Political Trends in the Russian Zemstvo" [in Russian], in *Jubilee Zemstvo Collection: 1864–1914*, ed. B.B. Veselovskii, and Z.G. Frenkel' (St Petersburg: Izdanie tovarishchestva O.N. Popovoi, 1914), 437–67. Due to a broader approach used, B. Veselovskii's fundamental work on the history of zemstvo in Russia, in particular, its final volume makes an exception in terms of a broader approach. See, B.B. Veselovskii, *History of Zemstvo for Forty Years* [in Russian], vol. 4 (St Petersburg: Izdatel'stvo O.N. Popovoi, 1911).

² See, e.g., N.M. Pirumova, *The Zemstvo Liberal Movement. Social Roots and Evolution Until the Early 20th Century* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1977); K.F. Shatsillo, *Russian Liberalism on the Eve of the Revolution of 1905–1907. Organization. Programs. Tactics* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1985).

³ See R.T. Manning, "The Zemstvo and Politics, 1864–1914," in *The Zemstvo in Russia. An Experiment in Local Self-government*, ed. T. Emmons, and W.S. Vucinich (Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982), 133–76.

⁴ See, e.g., M.D. Karpachev, "Zemstvo in the Political System of the Russian Autocracy" [in Russian], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, no. 4 (2023): 14–23, EDN: CXBSRB; N.G. Koroleva, *The Zemstvo and All-Russian Political Parties, 1907–1914* [in Russian] (St Petersburg: Petroglyph, 2025), EDN: YRTXGN; K. Matsuzato, V.F. Abramov, A.A. Yartsev, *The zemstvo phenomenon: A political science approach* [in Russian] (Sapporo: Slavic Research Center; Hokkaido University, 2001). Also see, T. Porter, W. Gleason "The Zemstvo and the Transformation of Russian Society," *Emergent Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I*, ed. M.S. Conroy (Niwot, CO: University Press of Colorado, 1998): 60–88.

⁵ See, e.g., K.A. Solov'ev, "Zemstvo Figures in the State Duma (1907–1914)" [in Russian], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 4 (2014): 67–81, EDN: TJAAC; A.V. Senina, and E.G. Turgenev, "Zemstvo Institutions as Social Lifts: The Vertical Mobility from Zemstvos to Higher Representative bodies of Legislative Power in the Late Russian

regional level, which analyzed the zemstvo elections of 1909/1910 and the party affiliation of the elected uyezd zemstvo members.⁶

Research productivity was facilitated thanks to the materials from the Main Directorate for Local Economy under the Ministry of Internal Affairs. They were first systematically studied in the late Soviet period by V. Dyakin, who characterized the organization of zemstvo voters and uyezd zemstvo members based on the information collected by officials in 1909 and 1913 during the preparation of the revised Statute on Zemstvo Institutions.⁷

The information about the party affiliation of governorate and uyezd zemstvo members constitutes a separate category of data collected in the Main Directorate for Local Economy. It should be emphasized that the official institutions regularly monitored the provincial multiparty activity during the inter-revolutionary period. In May 1908, vice-director of the Police Department prepared a report on the activities of local departments of legal political parties. He noted:

It seems that the party affiliation of individual citizens best characterizes the prevailing public sentiments in the Empire and serves as an indicator of people's attitude to the current government activities. In order to clarify this attitude and having in mind the period of nearly two years starting from October 17, 1905 when Russian political parties were formed, in September 1907, the Police Department sent circular letters to governors and city mayors and requested information about legal political parties existing in the governorates entrusted to

Empire" [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 4 (63) (2023): 161–77, <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-4-161-177>; EDN: AZCQIS; A.N. Egorov, "Election Campaigns to the First and Second State Dumas of the Russian Empire in Vologda Governorate: Power, Society, Electorate," *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 9, no. 3 (2025): 699–752, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-3-3>; EDN: HFAFAQ

⁶ See, e.g., D.V. Kondrashin, "Political Struggle of Zemstvo Members in Yelabuga Uyezd of Vyatka Governorate in 1905–1910" [in Russian], *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, no. 1 (127) (2023), accessed March 7, 2026, <https://cyberleninka.ru/article/n/politichesкая-borba-glasnyh-v-elabuzhskom-uezdom-zemstve-vyatskoy-gubernii-v-period-1905-1910-gg>; V.G. Badanov, "The Olonets Zemstvo in the Political Life of the Russian Empire (1867–1913)" [in Russian], *Studia Humanitatis. Mezhdunarodnyi ehlektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 1 (2025), accessed March 7, 2026, <https://st-hum.ru/content/badanov-vg-oloneckoe-zemstvo-v-politicheskoy-zhizni-rossiyskoy-imperii-1867-1913>; T.A. Kobzeva, "The Zemstvo Electoral System and Elections to Local Self-government Bodies in 1907–1916 (Based on the Materials from Simbirsk Governorate)" [in Russian], *Vlast'*, no. 1 (2011): 113–17, EDN: NCNAXD

⁷ See, V.S. Dyakin, "Zemstvo in the Third-June Monarchy (Structure of Voters and Members)" [in Russian], *Istoricheskie zapiski*, vol. 115, 127–41.

them. . . and whether their growth is noticeable in comparison with other left-wing parties, or, on the contrary, there is their gradual decline.⁸

In order to collect information about the new composition of uyezd zemstvo assemblies in August 12, 1909, the Department of Zemstvo Economy of the Main Directorate for Local Economy sent a “form” to the governors of all uyezds, which included the following reporting aspects: type of electoral assembly (the first, the second, or from rural communities), number of appointed uyezd zemstvo members, number of elected zemstvo members, including ones of the previous composition, uyezd zemstvo members belonging to political parties: right-wing, moderate, or left-wing. There was also a note to the form which explained the last aspect: the “right-wing” included monarchist parties; the “moderate” implied the Union of October 17, the Party of Legal Order, the Party of Peaceful Renovation, and non-partisans; and the “left-wing” included cadets and revolutionary parties.⁹ A similar approach was applied to assess the party affiliation of zemstvo members in the governorates where elections were held in 1910, and then in relation to the next electoral cycle of 1912–13.¹⁰ In May 1907, it was the first time when the Main Directorate for Local Economy collected information about the party affiliation of the “majority of administrators in zemstvo assemblies” through the governors; however, two other borderline identifications were used at that time: “moderate adjacent to the right wing” and “moderate adjacent to the left wing.”¹¹

Thus, as well as modern researchers, the ministry officials of that time possessed a very informative material concerning the dynamics of the alignment of political forces in the uyezd assemblies of zemstvo Russia. This makes it possible to determine how the party influenced the activity of local self-government in the new political space of the Russian Empire, i.e. in the political system of the dualistic

⁸ “O legal'nykh politicheskikh partiyakh” [On the legal political parties]. F. 102, op. 116, d. 164, l. 266. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

⁹ “O dostavlenii v MVD svedenii o politicheskoi partiinosti zemskikh glasnykh izbrannykh na trekhletie s 1909 g.” [On the delivery to the Ministry of Internal Affairs of information about the party affiliation of zemstvo members elected for three years since 1909]. F. 43, op. 1, d. 220, ll. 1, 4. Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraya [State Archive of Perm Krai] (GAPK), Perm, Russia.

¹⁰ “Svod svedenii o sostave uezdnykh glasnykh po guberniyam” [Report on the composition of uyezd zemstvo members in each governorate]. F. 1288, op. 2, d. 46, ll. 4–19, 42–64. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

¹¹ “Svedeniya o prinadlezhnosti k politicheskim partiya rukovodyashchego bol'shinstva glasnykh v zemskikh sobraniyakh” [Information about the party affiliation of the leading majority of the members in the zemstvo assemblies]. F. 1288, op. 2, d. 2, ll. 52^a–52^b. RGIA.

monarchy. Meanwhile, the relevance of the obtained information on the “political affiliation of zemstvo members,” as well as the precision in any monitoring, depended on the objectivity of the indexes used, the methods of collecting information, and the competence of the staff involved in collecting primary data. Therefore, it is quite reasonable to pose the question: who and how collected and processed this primary data on the party affiliation of zemstvo members?

We fixed our attention on 1909/1910 zemstvo electoral cycle¹² for the following reasons. Firstly, zemstvo elections were held under the conditions of post-revolutionary stabilization during the first stage of implementation of the Stolypin agrarian reform, as well as in the context of the new procedure for electing uyezd members from peasants, which was introduced by the decree “On the Abolition of Certain Restrictions on the Rights of Rural Residents and Other Former Taxable Population” dated October 5, 1906. This decree abolished the rule according to which “the governor should appoint zemstvo members from the rural communities, elected by volost gatherings”; also, the rural residents, “who had the necessary qualification in addition to allotment land” were granted the right to “to participate in the second zemstvo electoral congresses and meetings regardless of their participation in the elections of members from the rural communities of the uyezd.”¹³ Secondly, it was these elections that the State Archive of Perm Krai deposited the original materials about the party affiliation of uyezd zemstvo members.

Organization and Monitoring of the Party Affiliation of Zemstvo Members

On August 31, after receiving a circular letter from the capital, the Perm governor’s administration sent a corresponding order to 12 uyezd police chiefs. Osa police chief was the last to send the required data to Perm on October 14. In the governor’s office, the resulting table “Composition of Uyezd Assembly Members in 1909–1912” was checked, edited, signed by governor A. Bolotov, and sent to St Petersburg on November 9, 1909.¹⁴

¹² In 1909, zemstvo elections for the next three years were held in 14 governorates (Bessarabia, Vladimir, Vologda, Vyatka, Yekaterinoslav, Moscow, Novgorod, Olonets, Orel, Perm, Saratov, Taurida, Tver, and Ufa governorates), and in 20 governorates in 1910 (Voronezh, Kazan, Kaluga, Kostroma, Kursk, Nizhny Novgorod, Penza, Poltava, Pskov, Ryazan, Samara, St Petersburg, Simbirsk, Smolensk, Tambov, Tula, Kharkov, Kherson, Chernigov, and Yaroslavl governorates).

¹³ “No. 28392. – October 5th. The Nominal Supreme Order to the Senate. ‘On the Abolition of Certain Restrictions on the Rights of Rural Residents and Other Former Taxable Population’” [in Russian], *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3.*, vol. 26, 1906, sec. 1, *From no. 27173 to no. 28753 and additions* (St Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1909), 891–93.

¹⁴ “O dostavlenii v MVD svedenii o politicheskoi partiinosti zemskikh glasnykh izbrannykh na trekhletie s 1909 g.” [On the delivery to the Ministry of Internal Affairs of information about the

The sources of information for uyezd police chiefs were reports from the district police officers (basic material), requests to city police chiefs and colleagues from other uyezds (“police chiefs from there”) as well as “available information” and “rumors” that spread among the local population. The governor’s administration also had such an additional source as information received from the chairmen of uyezd congresses of zemstvo heads.

The reports of the uyezd police chiefs are various in terms of identification of political and party orientation of the elected members; they are characterized by the peculiar combination of the partisanship proper, both formal (the Union of the Russian People, the Union of October 17, the left-wing Octobrist, the right-wing Octobrist, the Commercial and Industrial Party, the Constitutional Democratic Party, the Party of Social Democrats) and informal (the right-wing party, the party of monarchists, the party of moderates, the party of progressists, the party of moderate progressists, the progressive party, the left-wing party), and political and ideological trends (extreme rightist, rightist, monarchist, progressist, leftist). The report prepared by the Verkhotur’e police chief dated September 17 was quite fanciful in identifications: “His political beliefs tend to the Progressive Party, but it is difficult to precise, he seems to be a cadet”; “a progressist with moderate cadet ideas”; “a moderate progressist who sympathizes with the Party of October 17.”¹⁵

The Okhansk police chief was making the following assumptions about the party affiliation of zemstvo members: “He may be considered a member of the Party of Social Democrats,” “may be considered a member of the Union of October 17,” “may be considered a member of the right-wing party.”¹⁶

In some cases, the information obtained from police officials obviously did not correspond to the real party affiliation. For example, the Cherdyn police chief characterized the political beliefs of N. Selivanov (the oldest local zemstvo activist and long-term chairman of the uyezd council) as “right.”¹⁷ But in 1906, Selivanov participated in the first Duma elections as a member of the Constitutional Liberal Party of Perm. As a deputy, he was a member of the group supporting democratic reforms, and he also joined the Party of Peaceful Renovation, taking an active part in its organization.¹⁸ In fairness, we should note that in his next report, when the Cherdyn police chief informed the governor that during the extraordinary uyezd

party affiliation of zemstvo members elected for three years since 1909]. F. 43, op. 1, d. 220, ll. 2–38 ob. GAPK.

¹⁵ Ibid., l. 10 ob.

¹⁶ Ibid., l. 26–26 ob.

¹⁷ Ibid., l. 7.

¹⁸ See V.V. Shelokhaev, ed., *The State Duma of the Russian Empire: 1906–1917. An Encyclopedia* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008), 553.

zemstvo assembly a new council was formed and Selivanov was elected chairman once again on October 9, the Cherdyn police chief corrected his own identification of Selivanov: “The elected persons are quite trustworthy in their political beliefs.”¹⁹

In his report dated September 24, the Krasnoufimsk police chief pointed out that the Shevelin brothers (gold miner Konstantin Artemyevich and Ivan Artemyevich, the founder and owner of the Natalyinsk Glass Factory, who headed the uyezd zemstvo council for 12 years) shared the ideas of social democracy. However, the local history literature containing information about the Shevelins mentions no social democratic trace in their biography.²⁰ The only fact mentioned is that an apartment in the apartment building in downtown Krasnoufimsk that belonged to K. Shevelin was used by the local Bolsheviks as a secret address in 1905–07 (it can be proved by a memorial plaque, which was installed on the facade of the building in the Soviet period).²¹ Nevertheless, the governor’s office still considered the brothers “leftists.”

The data received from the police chiefs was the key source of information for the governorate officials even when the latter had doubts. For example, in his report dated September 18, the Shadrinsk police chief indicated that petty bourgeois A. Mashukov who was elected deputy was a member of the Socialist Democratic party, but this indication was underlined and there was a question mark in the margin, which expressed doubts but did not prevent the police chief from considering Mashukov a “leftist.”²² It is interesting that Mashukov’s subsequent biography showed the fallacy of such identification: during the Kolchak period he was a mayor, left for Petropavlovsk with the Whites, and then was arrested and shot in Omsk in 1920.²³

¹⁹ “Delo o naznachenii predsedatelya i chlenov Cherdynskoi uездnoi upravly na trekhletie s 1909 goda” [The case on the appointment of the chairman and members of the Cherdyn uyezd council for three years since 1909]. F. 43, op. 2, d. 206, l. 1. GAPK.

²⁰ See, e.g., N.S. Zhuzhin, and I.P. Dvornikov, *Sarana* [in Russian] (Krasnoufimsk: [n. p.], 2009); T.A. Ladygina, and N.I. Volkova, “Stepping over Time (Memorial Objects of Krasnoufimsk from the Zemstvo Period)” [in Russian], in *Formation and Preservation of Zemstvo Traditions of Healthcare and Education in the Urals: Proceedings of the 5th Mizerov Local History Readings (Krasnoufimsk, February 17, 2015)*, ed. E.V. Saburova (Yekaterinburg: Lift, 2015), 110–19.

²¹ A.A. Barabanov, O.A. Bessonova, and A.A. Voitenko, *A Collection of Historical and Cultural Monuments of Sverdlovsk Oblast* [in Russian], vol. 2, *Sverdlovsk Oblast* (Yekaterinburg: Sokrat, 2008), 445.

²² “O dostavlenii v MVD svedenii o politicheskoi partiinosti zemskikh glasnykh izbrannykh na trekhletie s 1909 g.” [On the delivery to the Ministry of Internal Affairs of information about the party affiliation of zemstvo members elected for three years since 1909]. F. 43, op. 1, d. 220, l. 12. GAPK.

²³ “Merchant and industrialist Mashukov” [in Russian], Shadrinsk newspaper *Vasha Vygoda*, ok.ru, accessed March 7, 2026, <https://m.ok.ru/group/52854471065781/topic/160747847146421>

The scandalous situation was provoked by the report of the Yekaterinburg police chief, in response to which Z. Blagonravov, the governor's office administrator, wrote on September 29:

In relation to the report dated September 20, no. 746, ~~I consider it my duty to point out~~ (crossed out in the text. – I. K., A. E.), I let Your Excellency know that the party affiliation of the Yekaterinburg uyezd zemstvo members who were elected for the three-year term in 1909 is little known to you.

He pointed to the mistake he made. The police chief had thoroughly studied the issue, and in his new report dated October 25, he stated that the adjusted “data on the party affiliation of members living in the city was made according to the information provided by the Yekaterinburg police officer and in agreement with him.”²⁴

The reasons for the appearance of incorrect information are diverse. First of all, they were connected with the provincial multi-party system itself, its organizational and structural degradation, and a “progressive decline in political activity” observed in the post-revolutionary period.²⁵ In that situation, was it possible to expect that many members, especially from among the peasants, were capable of clearly defining their political position? Moreover, it was difficult for the police officers who were responsible for administrative and criminal offenses to understand all details of party identification. It was not surprising at all with regard to the general police because until quite recently, even the political policemen very often found themselves in a similar situation. In this respect, the remark of the modern historian A. Egorov about the peculiarities of working with such sources as gendarme reports seems quite relevant:

Using these documents, it is necessary to take into account the fact that the poor political differentiation of the population and the lack of the great political activity in the province in the past did not contribute to enriching the political experience of local gendarmes. Having failed to understand the turbulent events of the revolution, when organizations of previously unknown parties appeared even in small uyezd towns, the gendarme officials made many mistakes, mixing up the representatives of different parties. . . Therefore, all information obtained from the Governorate Gendarmerie Department needs additional verification

²⁴ “O dostavlenii v MVD svedenii o politicheskoi partiinosti zemskikh glasnykh izbrannykh na trekhletie s 1909 g.” [On the delivery to the Ministry of Internal Affairs of information about the party affiliation of zemstvo members elected for three years since 1909]. F. 43, op. 1, d. 220, ll. 15–16; 31–31 ob. GAPK.

²⁵ See I.V. Narskii, *Russian Provincial Partisanship: Political Associations in the Urals before 1917 (More on Democratic Tradition in Russia)* [in Russian], pt. 1 (Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, 1995), 86–87, 90.

according to other sources. To be fair, the mistakes occur mainly in the documents dated before the middle of 1906. Later, the gendarmes studied who belongs to which party and there were fewer mistakes.²⁶

The situation was also aggravated by the generally low education level of police officials, including uyezd police chiefs and district police officers, not to mention the lower policemen such as constables and guards. A prosopography of the Perm Governorate police corps of the late 19th – early 20th centuries compiled by S. Ryazanov showed that incomplete secondary education was the highest but not the most common level of education of police chiefs and officers in the late 19th – early 20th century.²⁷

The reports were not always submitted by regular police chiefs: twice it was done by acting police chiefs, and once by a temporary police chief. It is likely that those employees were not completely aware of the necessary information. At the beginning of 1909, the Police Department issued a circular letter dated February 10 concerning the formation in St Petersburg of “a special Committee consisting of representatives of all revolutionary and opposition parties, which was aimed at bringing to life, following the example of 1904 and 1905, the protests of all social groups in order to unite everyone dissatisfied with the existing order.” It is significant that in four cases, the reports prepared in accordance with the circular were signed by acting uyezd police chiefs, which significantly hampered the process: the governor sent the final document to St Petersburg only on June 23.²⁸

It is also difficult to expect complete and reliable information if it is based on rumors and unverified data. For example, in his July report to the governor about the

²⁶ A.N. Egorov, “Documents of Governorate Gendarmerie Departments as a Source for Forming the Image of a Provincial Liberal (Based on the Materials from Vologda and Novgorod Governorates)” [in Russian], *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (49), vol. 1 (2013): 35, EDN: RULYOX

²⁷ See S.M. Ryazanov, *The Police of Perm Governorate during the First World War* [in Russian] (Perm: Rossiiskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo, 2017), 169; S.M. Ryazanov, “Lower Ranks of the Uyezd Police in the Russian Province (Second Half of the 19th – early 20th Century)” [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 91 (2024): 59, <https://doi.org/10.17223/19988613/91/6>; EDN: SZTDXA. The level of education was similar for the uyezd police chiefs who served in Siberia, see A.N. Ermolaev, “The Uyezd Police Chief of Siberia in 1867–1917: A Collective Portrait Based on the Case of Kuznetsk and Mariinsk Uyezds” [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 93 (2025): 44, <https://doi.org/10.17223/19988613/93/5>; EDN: GSUFZH

²⁸ “Tsirkulyar permskogo gubernatora o predstavlenii svedenii o sushchestvuyushchikh v uezdakh revolyutsionnykh i oppozitsionnykh partiakh i ikh deyatelnosti, raporty uezdnykh ispravnikov” [Circular letter from the Perm governor on providing information about the revolutionary and opposition parties existing in the uyezds and their activities, reports of the uyezd police chiefs]. F. 65, op. 1, d. 1403, ll. 1–21. GAPK.

election of deputies from rural communities, the chairman of the Krasnoufimsk uyezd congress identified one of them (N. Tezyakov, a clerk of the Mikhailovsky factory) as a cadet, but in the October report about his election as a member of the council, the chairman noted:

Today, having acquainted with Tezyakov personally and having collected more detailed information about him, I must take my words back. According to the latest information, Tezyakov is a completely trustworthy person and he is not infected with any extreme political ideas. To tell the truth, in the days of freedom, he participated in the Mikhailovskaya labor artel but was soon expelled as a person completely unreliable in his views, who had joined the artel only as a pacifying principle. There is also no doubt about Tezyakov's potential: he is sufficiently educated, quite serious, and certainly aware of the conditions of local life. Tezyakov will be the best zemstvo worker.²⁹

Tezyakov was approved a member of the city council, but in the party statistics of zemstvo members sent to St Petersburg, he remained the only "leftist" elected in Krasnoufimsk Uyezd from rural communities.

And here is another, even more representative example. On October 11, the extraordinary Verkhotur'sk uyezd assembly elected to the town council a peasant named I. Yachmenev, who worked at the Nizhnyaya Sinyachikha factory. The uyezd police chief noted that he was "suspected of belonging to the left-wing democratic party, enjoyed confidence in society and among the workers." Nevertheless, the police chief still believed that "being a member of the zemstvo council," Yachmenev "would join the right-wing parties and would satisfy that appointment." However, in 1907 Yachmenev was arrested for participating in an "illegal rural rally" and after serving his prison sentence was "administratively exiled" to Yekaterinburg Uyezd. During the trial, it turned out that the local police officer had reported to the police chief that Yachmenev was "politically trustworthy, had not been convicted, etc.," but he did not mention his arrest and expulsion. As a result, the city deputy did not approve the peasant representative, although there is a document signed by Yachmenev as a member of the city council on September 1909, i.e. before the election of a new uyezd zemstvo council.³⁰

²⁹ "Delo o naznachenii predsedatelya i chlenov Krasnoufimskoi uezdnoi upravly na trekhletie s 1909 goda" [The case on the appointment of the chairman and members of the Krasnoufimsk uyezd zemstvo office for three years since 1909]. F. 43, op. 2, d. 234, l. 6. GAPK.

³⁰ "Delo o naznachenii predsedatelya i chlenov Verkhotur'skoi uezdnoi upravly na trekhletie s 1909 goda" [The case on the appointment of the chairman and members of the Verkhotur'sk uyezd zemstvo office for three years since 1909]. F. 43, op. 2, d. 207, ll. 8 ob., 20, 21. GAPK.

In the final table prepared by the governorate administration, the party affiliation of members of the newly composed uyezd zemstvo members was as follows: 72 rightists; 111 moderates; 28 leftists, including 41, 65, and 19 representatives from the assembly of small and large landowners respectively; 31, 46, 9 from rural communities respectively.³¹

Election Results in the Zemstvo Governorates of the Russian Empire in 1909/1910 and 1912/1913

In the 1909/1910 electoral cycle, the right-wing received an absolute majority among uyezd members in 18 governorates and a relative majority in 2 more governorates. The moderates (according to the ministerial identification) got the same result in 7 and 7 governorates respectively. In the following electoral cycle of 1912/1913, the results did not change significantly: the right-wing uyezd zemstvo members prevailed in 18 governorates and received a relative majority in 3 governorates; the moderates did in 8 and 4 governorates respectively. The dominance of the right-wing increased in 7 governorates, where they had dominated already (in such governorates as Bessarabia, Kursk, Nizhny Novgorod, Oryol, Poltava, Pskov, Ryazan ones); their influence increased in Vyatka, Smolensk, Yaroslavl Governorates; they became less numerous in Vologda and Olonets governorates, and in Kazan Governorate they lost an absolute majority in favor of a relative majority of moderates. The left-wing received a relative majority in the Ufa uyezd zemstvo (from 35 people in the previous composition to 64), and it was a specific result of the 1912 elections. Moreover, the number of the left-wing zemstvo members increased in 21 other governorates but decreased in 12, particularly from 68 to 41 zemstvo members in Vyatka. Their party affiliation largely depended on the stability of the composition of zemstvos. For example, in Bessarabia Governorate, the re-election rate was 59.1% and 57.7% (the highest rates in both cases), and in Vyatka Governorate it was 21.9% and 30.1% (the lowest rates in both cases).³² At the same time, analysts from the Main Directorate for Local Economy noted that the struggle among the parties, which was characteristic of 1906/1907 electoral cycle, became less tense during the zemstvo elections. The analysts also stated:

³¹ “O dostavlenii v MVD svedenii o politicheskoi partiinosti zemskikh glasnykh izbrannykh na trekhletie s 1909 g.” [On the delivery to the Ministry of Internal Affairs of information about the party affiliation of zemstvo members elected for three years since 1909]. F. 43, op. 1, d. 220, l. 38 ob. GAPK.

³² Calculated according to “Svod svedenii o sostave uezdnykh glasnykh po guberniyam” [Report on the composition of uyezd councils in each governorate]. F. 1288, op. 2, d. 46, ll. 4–19, 42–64. RGIA.

apparently, the zemstvo is now returning to the time when the election struggle starts among separate groups of voters, united by prominent local figures on the basis of zemstvo interests.³³

Given the change in the electoral behavior of the peasants, the results of elections in governorates with “peasant” zemstvos are of particular interest. They include Vologda Governorate (48.7% of zemstvo members were elected only from the peasant curia, not including the peasants that could be elected from the 2nd electoral assembly, i.e. the curia of small landowners); Vyatka Governorate (54.9%); Olonets Governorate (68.6%); and Perm Governorate (40.7%).

Correspondents of the *Permskaya Zemskaya Nedelya* emphasized the increased activity of rural voters in Vyatka Governorate (“news is coming from everywhere that interest in the zemstvo elections has greatly increased among the peasants, which was not observed before”³⁴) and in Perm Governorate (“one cannot help noticing that the peasants have completely changed their minds towards the zemstvo”³⁵), explaining this fact by a change in the procedure for electing uyezd zemstvo members from rural communities.

The peasant electors were critical of the activities of the peasant representatives, who were elected in 1906 on the principles of the old provision, when the members from rural communities were approved by the governor. A Vyatka observer noted:

with the rarest exceptions, volost meetings sharply disapprove of the former composition of zemstvo members. And particularly they disapprove of the destructive work for which the new Vyatka zemstvo members became so famous during these three years: they break with the best traditions of the Vyatka zemstvo, which is one of the most advanced Russian zemstvos; they destroy 5-ruble rural libraries, extracurricular education, current statistics, book storage, etc. Therefore, at volost gatherings, the former zemstvo members and even the members of zemstvo councils as well as those of clear orientation towards the Black Hundreds or poorly conscious figures are easily “blackballed,” while the choice falls on outstanding progressives. And now a number of Black Hundred “pillars,” usually acquaintances and friends of the chairmen or proteges of Prince Gorchakov, have already been voted down.³⁶

³³ “Svod svedenii o khode vyborov zemskikh glasnykh na trekhletie s 1912 g. po 13 guberniyam” [Report on the course of the elections of zemstvo members for the three-year period from 1912 in 13 governorates]. F. 1288, op. 2, d. 46, l. 23. RGIA.

³⁴ “On Zemstvo” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 16, April 16, 1909, 19.

³⁵ “On Zemstvo Elections” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 27, July 2, 1909, 2.

³⁶ “On Zemstvo” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 16, April 16, 1909, 19.

As a result of this attitude, only 5.3% of the previous composition were re-elected. In three other governorates, the figure is higher: 9.7% in Vologda Governorate, 19.4% in Olonets Governorate, and 22.1% in Perm Governorate. During the next elections in 1912, the composition of zemstvo members from rural communities proved to be more stable: the share of re-elected zemstvo members was 20.0% in Vyatka Governorate, 19.7% in Vologda Governorate, 33.3% in Olonets Governorate, and more than 40% in Perm Governorate (the source does not provide exact data for Perm Governorate).³⁷

The agrarian reform also had an impact on the electoral choice of peasants: within its implementation, securing allotted land in ownership was not successful in these four governorates. In most cases, when choosing zemstvo members from rural communities, the electors preferred those who participated in communal land use. For example, according to the *Permskaya Zemskaya Nedelya*, out of eight zemstvo members elected by peasants in Okhansk Uyezd, six were engaged in farming on allotted land, one worked on communal and farmstead land, and another one worked on his own and partly on leased land; in Shadrinsk Uyezd, seven elected members worked on communal land and only one did on allotted land.³⁸

The analytical report from the Main Directorate for Local Economy drew attention to the following feature of the electoral behavior of peasants in 1912, which led to a “shortage” of members from rural communities:

mutual blackballing of electors from among the peasants due to the desire of each of them to become a member and take up some paid position in the zemstvo.³⁹

In the four cases under study, the situation was as follows: 9 out of 94 posts or 9.6% were vacant in Vologda Governorate (in 1909, only one post was vacant); 2 out of 110 posts or 1.8% were vacant in Vyatka Governorate (in 1909, all members were elected); 3 out of 72 posts or 4.2% were vacant in Olonets Governorate (in 1909, there was a shortage of 5 members); 7 out of 88 posts or 8.0% were vacant in Perm Governorate (in 1909, 2 posts were vacant). The figure was the highest in Novgorod Governorate (14%) in 1912; in Kostroma Governorate (25.8%), Pskov Governorate (15.1%), and Kaluga Governorate (13.7%) in 1913.

³⁷ “Svod svedenii o sostave uездnykh glasnykh po guberniyam” [Report on the composition of uyezd zemstvo members by governorate]. F. 1288, op. 2, d. 46, ll. 4–19, 42–64. RGIA.

³⁸ “Election of Zemstvo Members in Perm Governorate” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 36 (1909), September 3, 17.

³⁹ “Svod svedenii o khode vyborov zemskikh glasnykh na trekhletie s 1912 g. po 13 guberniyam” [Report on the course of the elections of zemstvo members for the three-year period from 1912 in 13 governorates]. F. 1288, op. 2, d. 46, l. 40. RGIA.

Comparing governorates with “peasant” zemstvos by party affiliation of the members from rural communities elected in 1909, we should note the dominance of the right-wing in Vologda and Olonets governorates (62.4% and 58.2%, respectively), of the moderates in Perm Governorate (53.5%), and relative predominance of the moderates (44.6 %) with a significant share of the left-wing (31.3%) in Vyatka Governorate. In 1912, the official statistics recorded 81.2% of moderate members chosen from the peasant curia in Olonets Governorate; in Perm Governorate that figure was 51.9%, and there was an approximate parity between the right-wing and the moderates in Vologda and Vyatka Governorates.

We have an opportunity to compare the official statistics of 1909 on the members from rural communities with the data published in the *Permskie Gubernskie Vedomosti* newspaper and reprinted in the governorate zemstvo’s edition *Permskaya Zemskaya Nedelya*.⁴⁰ This version of political differentiation of members is characterized by greater fragmentation, combining the left-wing and the right-wing groups with the precise party affiliation, and includes 15 groups: rightist (21 persons), monarchist (3), moderate rightist (1), non-partisan rightist (11), moderate (3), non-partisan moderate (2), moderate liberal (2), Octobrist (1), moderate progressive (2), cadet (2), left progressive (1), leftist (8), social democrat (1), trudovik (1), non-partisan (29). Taking into account the administrative connection between the *Permskie Gubernskie Vedomosti* and the governorate administration,⁴¹ we can assume that the published data were “hot on the heels” of the elections and had been received by the governorate officials even before the uyezd police chiefs started to execute the circular order dated August 31 from the governor, who provided them a new instruction on party identification.

If we apply the “official” method of party identification to the data from the *Permskie Gubernskie Vedomosti*, we get the following results: 25 rightists; 50 moderates; 13 leftists. As we can see, they do not differ significantly from the information sent to St Petersburg but indicate a certain adjustment made either as a result of receiving updated data or because of banal loyalty to the authorities.

Commenting on the course of elections in the Ural governorates, the correspondents of the *Permskaya Zemskaya Nedelya* reported that in most cases “progressists” or “progressive people” succeeded, i.e. the correspondents implied the

⁴⁰ “Elections of Zemstvo Members in Perm Governorate,” 17. The reference is made to the reprinted source due to the poor preservation of the original edition for that particular year.

⁴¹ See G.P. Volgireva, S.I. Kornienko, and S.V. Pigaleva, “Source-Study Analysis of the Newspaper *Permskie gubernskie vedomosti* (19th – Early 20th Century) as a Basis for Designing and creating an Information System” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 3 (8) (2007): 79–88, EDN: HZTXEBS

persons who “more or less understood the needs and interests of the peasantry”⁴² or, in a broader sense, “people devoted to the zemstvo activity”⁴³ and focused on the renewal of their zemstvos, which was previously so dependent upon the governorate administration. Such identification had nothing to do with the party affiliation, as can be seen, for example, from the correspondent’s conclusion about the election results in one of the uyezds: “Thus, the whole composition of future meetings of Osa Zemstvo has now been determined and may be called progressive.”⁴⁴ At the same time, according to the official statistics, the result were as follows: 10 rightists; 5 moderates; 0 leftists.

Conclusion

The information sent by the governorate administration to the capital about the party affiliation of the corps of uyezd zemstvo members in Perm Governorate, which was formed as a result of the 1909 zemstvo election, reflected a general tendency of public sentiment to incline to the right in the Russian province, which was typical of the period of post-revolutionary stabilization but involved no reaction or unconditional subordination of local self-government to the government authority. This idea is also proved by the results of our other study into the participation of local self-government in historical jubilee campaigns of the early 20th century, which made it possible for zemstvo institutions as mnemonic actors to compete with local administration in the field of symbolic politics.⁴⁵

At the same time, on the one hand, there were peculiarities of party identification adopted in the state power bodies of the Russian Empire as well as the obligation for the local administration to respond to requests from the center in accordance with the proposed criteria and its desire not to condone the opposition or make mistakes in their favor. On the other hand, the provincial multi-party system was not firmly established, moreover, it was weakened by government repression in the post-revolutionary period. For all those reasons, the information about the party affiliation of uyezd zemstvo members (which is more and more often introduced into scientific

⁴² See “On Zemstvo” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 15, April 9, 1909, 23; no. 19, May 7, 28; “On Zemstvo Elections” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 27, July 2, 1909, 3.

⁴³ “Elections of Zemstvo Members in Perm Governorate” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 28, July 9, 1909, 24.

⁴⁴ “Elections of Zemstvo Members in Perm Governorate” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 29, July 16, 1909, 28.

⁴⁵ A.R. Ekhlakova, and I.G. Kir'yanov, “Imperial Jubilemania of the Early 20th Century and Local Government Bodies: The Case of Perm Governorate” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 4 (71) (2025): 116, <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-4-109-120>; EDN: DHKNZR

use from such historical sources as primary materials collected by governorate administrations and the Report on the Composition of Uyezd Zemstvo Members by Governorate issued by the Main Directorate for Local Economy of the Ministry of Internal Affairs) may be considered indicative but not absolute.

Список литературы

Баданов В.Г. Олонецкое земство в политической жизни Российской империи (1867–1913) // *Studia Humanitatis. Международный электронный научный журнал.* 2025. № 1. URL: <https://st-hum.ru/content/badanov-vg-oloneckoe-zemstvo-v-politicheskoy-zhizni-rossiyskoj-imperii-1867-1913> (дата обращения: 07.03.2026).

Барабанов А.А., Бессонова О.А., Войтенко А.А. Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 2. Свердловская область. Екатеринбург: Сократ, 2008. 648 с.

Белокопский И.П. Земское движение. Москва: Задруга, 1914. 397 с.

Веселовский Б.Б. Земские либералы. Санкт-Петербург: Издательство О.Н. Поповой, 1906. 22 с.

Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4 т. Санкт-Петербург: Издательство О.Н. Поповой, 1911. Т. 4. 868 с.

Волгирева Г.П., Корниенко С.И., Пигалева С.В. Источниковедческий анализ газеты «Пермские губернские ведомости» (XIX – начало XX в.) как основа для проектирования и создания информационной системы // *Вестник Пермского университета. История.* 2007. № 3 (8). С. 79–88. EDN: HZTXEB

Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 735 с.

Дякин В.С. Земство в третьеиюньской монархии (структура избирателей и гласных) // *Исторические записки.* 1987. Т. 115. С. 127–141. EDN: YUOLOU

Егоров А.Н. Документы губернских жандармских управлений как источник формирования образа провинциального либерала (по материалам Вологодской и Новгородской губерний) // *Вестник Череповецкого государственного университета.* 2013. № 3 (49), т. 1. С. 34–37. EDN: RULYOX

Егоров А.Н. Избирательные кампании в I и II Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: власть, общество, избиратели // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* 2025. Т. 9, № 3. С. 699–752. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-3-3>; EDN: HFAFAQ

Ермолаев А.Н. Уездный исправник Сибири в 1867–1917 гг.: коллективный портрет на примере Кузнецкого и Мариинского уездов // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2025. № 93. С. 38–46. <https://doi.org/10.17223/19988613/93/5>; EDN: GSUFZH

Ехлакова А.Р., Кирьянов И.К. Имперская юбилеямания начала XX века и органы местного самоуправления: кейс Пермской губернии // *Вестник Пермского университета. История.* 2025. № 4 (71). С. 109–120. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-4-109-120>; EDN: DHKNZR

Жужин Н.С., Дворников И.П. Сарана. Красноуфимск: [б. и.], 2009. 438 с.

Карпачев М.Д. Земство в политической системе российского самодержавия // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология.* 2023. № 4. С. 14–23. EDN: CXBSRB

Кобзева Т.А. Земская избирательная система и выборы в местные органы самоуправления в 1907–1916 гг. (на материалах Симбирской губернии) // Власть. 2011. № 1. С. 113–117. EDN: NCNAXD

Кондрашин Д.В. Политическая борьба гласных в Елабужском уездном земстве Вятской губернии в период 1905–1910 гг. // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 1 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-borba-glasnyh-v-elabuzhskom-uezdnom-zemstve-vyatskoy-gubernii-v-period-1905-1910-gg> (дата обращения: 07.03.2026).

Королева Н.Г. Земство и Всероссийские политические партии 1907–1914 гг. Санкт-Петербург: Петроглиф, 2025. 302 с. EDN: YRTXGN

Ладыгина Т.А., Волкова Н.И. Перешагнувшие через время (памятные объекты г. Красноуфимска земского периода) // Формирование и сохранение земских традиций здравоохранения и образования на Урале: материалы V Мизеровских историко-краеведческих чтений (Красноуфимск, 17 февраля 2015 г.) / ответственный за выпуск Е.В. Сабурова. Екатеринбург: Лифт, 2015. С. 110–119.

Мацузато К., Абрамов В.Ф., Ярцев А.А. Земский феномен: политологический подход. Саппоро: Slavic Research Center; Hokkaido University, 2001. 200 с.

Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России): в 2 ч. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1995.

Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. Москва: Наука, 1977. 288 с.

Рязанов С.М. Полиция Пермской губернии в годы Первой мировой войны. Пермь: Российское военно-историческое общество, 2017. 292 с.

Рязанов С.М. Нижние чины уездной полиции в российской провинции (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 52–65. <https://doi.org/10.17223/19988613/91/6>; EDN: SZTDXA

Сенина А.В., Турганев Е.Г. Земские учреждения как социальные лифты: вертикальная мобильность из земств в высшие представительные органы законодательной власти в поздней Российской империи // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4 (63). С. 161–177. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-4-161-177>; EDN: AZCQIS

Соловьев К.А. Земские деятели в Государственной думе (1907–1914) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 4. С. 67–81. EDN: TJAACT

Шаховской Д. Политические течения в русском земстве // Юбилейный земский сборник: 1864–1914 / под редакцией Б.Б. Веселовского, З.Г. Френкеля. Санкт-Петербург: Издание товарищества О.Н. Поповой, 1914. С. 437–467.

Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика. Москва: Наука, 1985. 347 с.

Manning R.T. The Zemstvo and Politics, 1864–1914 // The Zemstvo in Russia. An Experiment in Local Self-government / edited by T. Emmons, W.S. Vucinich. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982. P. 133–176.

Porter T., Gleason W. The Zemstvo and the Transformation of Russian Society // Emergent Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I / edited by M.S. Conroy. Niwot, CO: University Press of Colorado, 1998. P. 60–88.

References

- Badanov, V.G. “Olonetskoe zemstvo v politicheskoi zhizni Rossiiskoi imperii (1867–1913)” [The Olonets zemstvo in the political life of the Russian Empire (1867–1913)]. *Studia Humanitatis. Mezhdunarodnyi ehlektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 1 (2025). Accessed March 7, 2026. <https://st-hum.ru/content/badanov-vg-oloneckoe-zemstvo-v-politicheskoy-zhizni-rossiyskoy-imperii-1867-1913> (In Russian)
- Barabanov, A.A., O.A. Bessonova, and A.A. Voitenko. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoi oblasti* [A collection of historical and cultural monuments of Sverdlovsk Oblast]. Vol. 2, *Sverdlovskaya oblast'* [Sverdlovsk Oblast]. Yekaterinburg: Sokrat, 2008. (In Russian)
- Belokonskii, I.P. *Zemskoe dvizhenie* [The zemstvo movement]. Moscow: Zadruga, 1914. (In Russian)
- Dyakin, V.S. “Zemstvo v treteiyun'skoi monarkhii (struktura izbiratelei i glasnykh)” [Zemstvo in the Third-June monarchy (structure of voters and members)]. *Istoricheskie zapiski*, vol. 115 (1987): 127–41. EDN: YUOLOU (In Russian)
- Egorov, A.N. “Dokumenty gubernskikh zhandarmskikh upravlenii kak istochnik formirovaniya obraza provintsial'nogo liberala (po materialam Vologodskoi i Novgorodskoi gubernii)” [Documents of governorate gendarmerie departments as a source for forming the image of a provincial liberal (based on the materials from Vologda and Novgorod Governorates)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (49), vol. 1 (2013): 34–37. EDN: RULYOX (In Russian)
- Egorov, A.N. “Election Campaigns to the First and Second State Dumas of the Russian Empire in Vologda Governorate: Power, Society, Electorate.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 9, no. 3 (2025): 699–752. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-3-3>; EDN: HFAFAQ (In Russian)
- Ekhlakova, A.R., and I.K. Kir'yanov. “Imperskaya yubileemaniya nachala XX veka i organy mestnogo samoupravleniya: keis Permskoi gubernii” [Imperial jubileemania of the early 20th century and local government bodies: The case of Perm Governorate]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 4 (71) (2025): 109–20. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-4-109-120>; EDN: DHKNZR (In Russian)
- Ermolaev, A.N. “Uezdnyi ispravnik Sibiri v 1867–1917 gg.: kollektivnyi portret na primere Kuznetskogo i Mariinskogo uездov” [Uyezd police chief of Siberia in 1867–1917: A collective portrait based on the case of Kuznetsk and Mariinsk uyezds]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 93 (2025): 38–46. <https://doi.org/10.17223/19988613/93/5>; EDN: GSUFZH (In Russian)
- Karpachev, M.D. “Zemstvo v politicheskoi sisteme rossiiskogo samoderzhaviya” [The zemstvo in the political system of Russian autocracy]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, no. 4 (2023): 14–23. EDN: CXBSRB (In Russian)
- Kobzeva, T.A. “Zemskaya izbiratel'naya sistema i vybory v mestnye organy samoupravleniya v 1907–1916 gg. (na materialakh Simbirskoi gubernii)” [The zemstvo electoral system and elections to local self-government bodies in 1907–1916 (based on the materials from Simbirsk Governorate)]. *Vlast'*, no. 1 (2011): 113–17. EDN: NCNAXD (In Russian)
- Kondrashin, D.V. “Politicheskaya bor'ba glasnykh v Elabuzhskom uездnom zemstve Vyatskoi gubernii v period 1905–1910 gg.” [Political struggle of zemstvo members in Yelabuga Uyezd of Vyatka Governorate in 1905–1910]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, no. 1 (127)

(2023). Accessed March 7, 2026. <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-borba-glasnyh-v-elabuzhskom-uezdnom-zemstve-vyatskoy-gubernii-v-period-1905-1910-gg> (In Russian)

Koroleva, N.G. *Zemstvo i Vserossiiskie politicheskie partii 1907–1914 gg.* [The zemstvo and all-Russian political parties, 1907–1914]. St Petersburg: Petroglyph, 2025. EDN: YRTXGN (In Russian)

Ladygina, T.A., and N.I. Volkova. “Pereshaguvshie cherez vremya (pamyatnye ob'ekty g. Krasnoufimska zemskogo perioda)” [Stepping over time (memorial objects of Krasnoufimsk from the zemstvo period)]. In *Formirovanie i sokhranenie zemskikh traditsii zdavookhraneniya i obrazovaniya na Urale: materialy V Mizerovskikh istoriko-kraevedcheskikh chtenii (Krasnoufimsk, 17 fevralya 2015 g.)* [Formation and preservation of zemstvo traditions of healthcare and education in the Urals: Proceedings of the 5th Mizerov local history readings (Krasnoufimsk, February 17, 2015)], edited by E.V. Saburova, 110–19. Yekaterinburg: Lift, 2015. (In Russian)

Manning, R.T. “The Zemstvo and Politics, 1864–1914.” In *The Zemstvo in Russia. An Experiment in Local Self-government*, edited by T. Emmons, and W.S. Vucinich, 133–76. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982.

Matsuzato, K., V.F. Abramov, and A.A. Yartsev. *Zemskii fenomen: politologicheskii podkhod* [The zemstvo phenomenon: A political science approach]. Sapporo: Slavic Research Center; Hokkaido University, 2001. (In Russian)

Narskii, I.V. *Russkaya provintsial'naya partiinost': Politicheskie ob"edineniya na Urale do 1917 g. K voprosu o demokraticheskoi traditsii v Rossii* [Russian provincial partisanship: Political associations in the Urals before 1917 (More on the democratic tradition in Russia)], 2 pts. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, 1995. (In Russian)

Pirumova, N.M. *Zemskoe liberal'noe dvizhenie: sotsial'nye korni i evolyutsiya do nachala XX veka* [The zemstvo liberal movement: Social roots and evolution until the early 20th century]. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian)

Porter, T., and W. Gleason. “The Zemstvo and the Transformation of Russian Society.” In *Emergent Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I*, edited by M.S. Conroy, 60–88. Niwot, CO: University Press of Colorado, 1998.

Ryazanov, S.M. “Nizhnie chiny uездnoi polititsii v rossiiskoi provintsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)” [Lower ranks of the uyezd police in the Russian province (second half of the 19th – early 20th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 91 (2024): 52–65. <https://doi.org/10.17223/19988613/91/6>; EDN: SZTDXA (In Russian)

Ryazanov, S.M. *Politsiya Permskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The police of Perm Governorate during the First World War]. Perm: Rossiiskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo, 2017. (In Russian)

Senina, A.V., and E.G. Turgenev. “Zemskie uchrezhdeniya kak sotsial'nye lifty: vertikal'naya mobil'nost' iz zemstv v vysshie predstavitel'nye organy zakonodatel'noi vlasti v pozdnei Rossiiskoi imperii” [Zemstvo institutions as social lifts: The vertical mobility from the zemstvo to higher representative bodies of legislative power in the late imperial Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 4 (63) (2023): 161–77. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-4-161-177>; EDN: AZCQIS (In Russian)

Shakhovskoi, D. “Politicheskie techeniya v russkom zemstve” [Political trends in the Russian zemstvo]. In *Yubileinyi zemskii sbornik: 1864–1914* [Jubilee zemstvo collection: 1864–1914], edited by B.B. Veselovskii, and Z.G. Frenkel', 437–67. St Petersburg: Izdanie tovarishchestva O.N. Popovoi, 1914. (In Russian)

Shatsillo, K.F. *Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905–1907 gg.* [Russian liberalism on the eve of the revolution of 1905–1907. Organization. Programs. Tactics]. Moscow: Nauka, 1985. (In Russian)

Shelokhaev, V.V., ed. *Gosudarstvennaya дума Rossiiskoi imperii, 1906–1917. Entsiklopediya* [The State Duma of the Russian Empire: 1906–1917. An encyclopedia]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008. (In Russian)

Solov'ev, K.A. “Zemskie deyateli v Gosudarstvennoi dume (1907–1914)” [Zemstvo figures in the State Duma (1907–1914)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 4 (2014): 67–81. EDN: TJAACT (In Russian)

Veselovskii, B.B. *Istoriya zemstva za sorok let* [History of the zemstvo for forty years], 4 vols. Vol. 4. St Petersburg: Izdatel'stvo O.N. Popovoi, 1911. (In Russian)

Veselovskii, B.B. *Zemskie liberaly* [Zemstvo liberals]. St Petersburg: Izdatel'stvo O.N. Popovoi, 1906. (In Russian)

Volgireva, G.P., S.I. Kornienko, and S.V. Pigaleva. “Istochnikovedcheskii analiz gazety ‘Permskie gubernskie vedomosti’ (XIX – nachalo XX v.) kak osnova dlya proektirovaniya i sozdaniya informatsionnoi sistemy” [Source-study analysis of the newspaper *Permskie gubernskie vedomosti* (19th – early 20th century) as a basis for designing and creating an information system]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 3 (8) (2007): 79–88. EDN: HZTXEB (In Russian)

Zhuzhin, N.S., and I.P. Dvornikov. *Sarana*. Krasnoufimsk: [n. p.], 2009. (In Russian)

Информация об авторах

Игорь Константинович Кирьянов – доктор исторических наук, доцент, заведующий Отделом по исследованию политических институтов и процессов, <https://orcid.org/0000-0002-2866-877X>, ikiryanov@yandex.ru, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (д. 13а, ул. Ленина, 614000 Пермь, Россия).

Алина Ринатовна Ехлакова – старший преподаватель, <https://orcid.org/0000-0002-4192-0474>, alina.perm@mail.ru, Пермский государственный национальный исследовательский университет (15, ул. Букирева, 614068 Пермь, Россия).

Information about the authors

Igor' K. Kir'yanov – Doctor of Historical Sciences, Associate professor, Head of the Department for the Study of Political Institutions and Processes, <https://orcid.org/0000-0002-2866-877X>, ikiryanov@yandex.ru, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (13a, ul. Lenina, 614000 Perm, Russia).

Alina R. Ekhlakova – Senior Lecturer, <https://orcid.org/0000-0002-4192-0474>, alina.perm@mail.ru, Perm State University (15, ul. Bukireva, 614068 Perm, Russia).

Заявленный вклад авторов: Раздел статьи «Организация и ход мониторинга партийной принадлежности земских гласных» подготовлен И.К. Кирьяновым, раздел «Итоги выборов в земских губерниях Российской империи, 1909/1910 и 1912/1913» подготовлен А.Р. Ехлаковой, разделы «Введение» и «Заключение» – в соавторстве. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement: The section of this article under the heading “Organization and Monitoring of the Party Affiliation of Zemstvo Members” was prepared by I. Kir'yanov, the section “Election Results in the Zemstvo Governorates of the Russian Empire in 1909/1910 and

1912/1913” was prepared by A. Ekhlakova, and the Introduction and the Conclusion sections were co-authored by them. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.04.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 13.04.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 12.05.2026.